

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Социальная психология как наука Часть 2

Глава 6. Симпатия, любовь и межличностная
сенситивность. Социальная психология как
наука

Мы продолжим наш разговор о социальной психологии как науке и остановимся на особенностях эксперимента в социальной психологии.

Цель – сформировать у слушателей представление о специфике экспериментального метода в социальной психологии, а также о трудностях и этических проблемах, с которыми может столкнуться исследователь.

Не все так ясно и безоблачно в мире экспериментирования. Процесс проведения эксперимента сопряжен со многими весьма реальными проблемами. Аронсон в своей книге уделяет большое внимание специфике социально-психологического эксперимента.

Итак, первая проблема – это контроль в сравнении с воздействием. Контроль является одним из основных преимуществ эксперимента, но полностью контролировать окружающую среду людей невозможно, в отличие от экспериментов с животными. Контроль дополнительно ограничивается тем, что индивиды отличаются друг от друга по бесчисленному множеству качеств, скрытых от глаз экспериментатора.

Социальные психологи пытаются определить, как ведут себя люди. Под этим, конечно, мы имеем в виду то, как ведет себя большинство людей большую часть времени, находясь в данных конкретных условиях. До тех пор, пока мы не учтем индивидуальные различия, наши заключения не могут быть применимы ко всем людям: различия во взглядах, ценностях, способностях, личностных характеристиках и прошлом опыте могут оказать воздействие на реакции людей в процессе эксперимента. Хотя мы и можем контролировать экспериментальную ситуацию, одна и та же ситуация может воздействовать на разных людей по-разному.

В добавок к тому, что эксперимент должен быть контролируемым, он еще и должен оказывать воздействие на испытуемых. Испытуемые должны воспринимать его серьезно и быть погруженными в него, иначе эксперимент не окажет значимого воздействия на их поведение. Трудность для социального психолога состоит в том, что эти два решающих фактора – контроль и воздействие – часто «работают» в противоположных направлениях: по мере усиления одного ослабляется другой. Дилемма экспериментаторов состоит следующем: как сделать воздействие на испытуемых максимальным, не жертвуя при этом контролем за ситуацией. Разрешение этой дилеммы требует творческого подхода и изобретательности при создании эксперимента.

Вторая проблема социально-психологического эксперимента: насколько реалистичен эксперимент?

Аронсон говорит следующее: эксперимент может быть реалистичным в двух различных смыслах. Если он оказал воздействие на испытуемых, заставил их принять происходящее всерьез и вовлек их в экспериментальные процедуры, то мы можем сказать, что был достигнут экспериментальный реализм. Совершенно другой вид реализма – это то, насколько лабораторный эксперимент похож на события реального мира. В этом случае мы говорим об обыденном реализме. Часто именно путаница между экспериментальным реализмом и обыденным реализмом является причиной обвинения экспериментов в искусственности и бесполезности, потому что они не отражают реальный мир.

Давайте рассмотрим различие между двумя видами реализма на примере эксперимента Стэнли Милграма. Этот эксперимент реалистичен с точки зрения экспериментального реализма. А в обыденном смысле он нереалистичен. В этом исследовании каждый испытуемый должен был наносить удары электрические удары, человеку, который находился в соседней комнате и был якобы подсоединен к генератору электрических разрядов. Испытуемые должны были постепенно увеличивать силу тока. Задумайтесь, как часто вас просят наносить людям удары током в реальной жизни? С точки зрения обыденного реализма, эта ситуация нереалистична.

Но была ли эта процедура экспериментально реалистичной? Были ли испытуемые увлечены заданием? Приняли ли они ситуацию всерьез? Оказала ли она на них воздействие? Стала ли она частью их реального мира на тот момент? Или же они просто отыгрывали роли, не принимая ситуацию всерьез, и совершая свои действия как марионетки? Милграм сообщает, что испытуемые испытывали значительное напряжение и дискомфорт. Милграм описал своего типичного испытуемого так: «Я наблюдал, как взрослый и уравновешенный бизнесмен вошел в лабораторную комнату. Он держался самоуверенно и сверкал улыбкой. Но в течение двадцати минут он стал дергаться и запинаться, он был на грани нервного срыва. Он постоянно потирал

виски и нервно теребил руками. В один момент он ударил себя кулаком по лбу и пробормотал: «Боже, да прекратите же это!» И все же он продолжал покорно реагировать на каждое слово экспериментатора, повинувшись ему до конца».

Невозможно сказать, что подобное поведение было нереалистично. То, что происходило с испытуемыми Милграма, было реальным, несмотря на то, что ничего подобного с ними в повседневной жизни не случалось. Поэтому можно уверенно заключить, что результаты данного эксперимента достаточно точно указывают на то, как будут реагировать люди, если аналогичная последовательность событий действительно произойдет в реальной жизни.

Третья важная проблема, которая часто возникает в ходе социально-психологического эксперимента – это необходимость обмана. Значение экспериментального реализма трудно переоценить. Лучший способ его добиться – это создать привлекательную и интересную обстановку для участников. Также часто необходимо замаскировать истинную цель исследования. Зачем же нужно ее прятать?

Исследования по данному вопросу показали, что в случае, когда испытуемые знали истинную цель эксперимента, они вели себя неестественно. Они либо пытались предстать себя в выгодном свете, либо угодить экспериментатору и вести себя так, как, по их мнению, они должны были себя вести согласно гипотезе. Обе эти стратегии – катастрофа для экспериментатора.

Экспериментатору обычно удается пресечь попытки испытуемого «помочь» ему. Но, однако, уменьшить желание испытуемого хорошо себя преподнести намного труднее. Большинство людей не хотят, чтобы их воспринимали, как слабых, непривлекательных, глупых, сумасшедших или считали их конформистами. Таким образом, как только испытуемые догадываются, что ищет экспериментатор, большинство из них сразу пытается выглядеть достойно или «нормально».

Например, в одном психологическом эксперименте как только испытуемым рассказывали, что конкретный результат будет указывать на присутствие у них «положительной» личностной черты, они стали вести себя так, чтобы получить этот результат. А в случаях, когда экспериментаторы открыто выискивали «отрицательные» черты, испытуемые старались не совершать негативные действия.

Подобное поведение мешает экспериментатору получить достоверные результаты. Поэтому экспериментаторам необходимо обманывать испытуемых относительно истинной цели эксперимента.

Каждый человек является социальным психологом-любителем в том смысле, что все мы живем в социальном мире и постоянно придумываем гипотезы по поводу всего, что с нами происходит. То же самое делают и испытуемые в психологических экспериментах. Люди всегда пытаются понять, что творится вокруг. Поэтому если испытуемые догадаются, какую гипотезу исследует экспериментатор, они могут начать действовать в соответствии с этими догадками, вместо того чтобы действовать естественным и обычным образом. Если мы хотим получить обоснованные и достоверные данные, то мы должны предотвратить это.

Это ставит социального психолога в положение режиссера, который создает сцену для действий, но не говорит актеру, что такое игра. Подобные декорации получили название «официальные версии», они предназначены для того, чтобы увеличить экспериментальный реализм путем создания ситуации, в которой испытуемый может вести себя естественно, без тормозящего знания о том, какой именно аспект поведения изучается в исследовании.

Использование обмана может быть лучшим (и, возможно, единственным) путем получить полезную информацию о том, как люди ведут себя в самых сложных и важных ситуациях, но ставит экспериментатора перед серьезными этическими проблемами. В принципе, это три проблемы.

1. Лгать людям неэтично, особенно сейчас, когда мир «засорен» ложью.
2. Подобный обман часто приводит к вторжению в частную жизнь. Если участники эксперимента не знают, что изучается на самом деле, они не могут дать информированное согласие на участие в эксперименте.
3. Экспериментальные процедуры могут вызвать такие неприятные переживания, как боль, скука, беспокойство и тому подобное.

Этические проблемы могут возникнуть, даже когда обман не используется и когда экспериментальные процедуры не являются экстремальными. Даже самые щадящие процедуры могут оказать на испытуемых глубокое воздействие, которое не могли предвидеть даже самые внимательные экспериментаторы.

Аронсон подчеркивает, что никакой этический кодекс не может предусмотреть абсолютно ВСЕ проблемы, возникающие в ходе планирования и проведения эксперимента. Особенно, если испытуемые в процессе исследования вдруг открывают нечто неприятное в других людях или в себе самих.

Мы можем сделать вывод, что сама работа в социальном психологическом эксперименте строится на этической дилемме. Эта дилемма основана на двух противоречивых ценностях, которых придерживаются большинство социальных психологов. С одной стороны, они верят в ценность свободного научного поиска; с другой стороны, они верят в достоинство людей и в их право на неприкосновенность частной жизни.

Социальный психолог должен разрешать эту дилемму каждый раз, когда он планирует и проводит эксперимент, поскольку не существует конкретного и универсального набора правил, который подходит для каждого эксперимента.

Очевидно, что некоторые технические приемы в экспериментах представляют большие этические проблемы, чем другие. Как мы уже говорили, это те приемы, которые используют обман, потому что акт лжи сам по себе нежелателен – даже если обман служит раскрытию истины.

Также этические проблемы возникают в процедурах, которые вызывают боль, смущение, чувство вины или другие сильные чувства. Например, в некоторых экспериментах испытуемые могут обнаружить неприятные качества характера в самих себе.

Конечно, можно утверждать, что подобное самопознание приносит терапевтическую или образовательную пользу испытуемым. Многие испытуемые и сами высказали такое мнение. Однако это не должно служить оправданием для таких процедур. Экспериментатор не может заранее знать, что его исследование приведет к терапевтическому эффекту. Более того, это было бы самонадеянно для ученого решать, что он имеет право и квалификацию проводить терапию для человека, который не давал на это предварительного согласия.

Аронсон задается вопросом: оправдывают ли конечные цели социально-психологического исследования его средства, учитывая этические проблемы? Есть два противоположных мнения на этот счет.

Некоторые утверждают, что никакие цели и достижения науки не стоят того, чтобы обманывать людей или ставить их в некомфортные условия. Другие настаивают на том, что социальные психологи могут совершать открытия, полезные для человечества, и, соответственно, можно оправдать почти любую цену.

Позиция самого Аронсона находится где-то посередине. Он говорит, что «Научная социальная психология» чрезвычайно важна, но при этом нужно всегда бережно относиться к испытуемым в ее экспериментах».

Как же экспериментатору поступать в каждом конкретном случае?

При оценке этичности экспериментальной процедуры, ее необходимо подвергнуть анализу с точки зрения соотношения «затрат и результатов». Следует взвесить, как много «хорошего» дает проведение эксперимента и как много «плохого» будет причинено испытуемым. Чтобы принять решение о проведении исследования, нужно понять, что сильнее – потенциальная общественная польза или потенциальный вред для испытуемых. К сожалению, это трудно оценить, потому что обычно ни польза, ни вред не известны заранее. Более того, они не поддаются точному исчислению.

Аронсон рекомендует использовать пять важных правил при планировании и проведении социально-психологического эксперимента:

Первое правило. По возможности следует избегать процедур, которые вызывают сильную боль или дискомфорт. Однако, в зависимости от проверяемой гипотезы некоторый дискомфорт может быть неизбежным.

Второе правило. Экспериментаторы должны предоставить испытуемым возможность прекратить участие в эксперименте, если их дискомфорт станет слишком сильным.

Третье правило. Если существует эффективная альтернатива обману, следует использовать ее.

Четвертое правило. При завершении экспериментальной сессии экспериментаторы должны уделить значительное время каждому из испытуемых и тщательно объяснить эксперимент, его истинные цели, причины обмана, и тому подобное. Экспериментаторы должны изменить свои планы, если это необходимо для того, чтобы сохранить достоинство испытуемых.

Необходимо убедиться, что они не чувствуют себя глупыми или доверчивыми, из-за того, что они поддались на обман. Экспериментаторы должны удостовериться, что испытуемые покидают эксперимент в хорошем настроении, с чувством удовлетворенности собой и своим участием в эксперименте. Любой серьезный экспериментатор может достичь этого, если захочет затратить значительное время и усилия, чтобы отблагодарить каждого испытуемого информацией и вниманием и дать ему понять, насколько важна его роль в проведенном научном исследовании.

Пятое правило. Экспериментаторы не должны проводить эксперименты, включающие ложь или дискомфорт без особой необходимости! Перед тем как проводить эксперимент, они должны быть уверены, что их исследование обоснованно и важно, что они ищут ответ на интересный вопрос, и что они делают это тщательно и организованно.

Экспериментаторы в социальной психологии должны быть максимально чуткими к потребностям испытуемых. Хотя многие эксперименты включают неприятные процедуры, подавляющее большинство таких экспериментов имеют гарантии защиты участников.

Вспомним эксперимент Милграма на послушание. Велись нешуточные споры о том, стоит ли продолжать подобные эксперименты. Милграм приложил все усилия для того, чтобы после окончания эксперимента обернуть все пережитое испытуемыми в нечто полезное и важное для них.

Его старания оказались успешны: спустя несколько недель после завершения эксперимента 84% участников признали, что они были рады принять участие в данном исследовании; 15% участников были настроены нейтрально; и лишь 1% участников выразил сожаление по поводу своего участия.

Год спустя после завершения экспериментальной программы университетский психиатр опросил случайную выборку из числа испытуемых Милграма и не обнаружил никаких вредных последствий. Наоборот, студенты, как правило, заявляли, что участие в эксперименте было очень поучительным и обогатило их.

Чрезвычайно важной составляющей всякого эксперимента является пост-экспериментальная сессия, также иногда называемая пост-экспериментальным собеседованием (дебрифингом). Она ценна не только для избавления от дискомфорта и раскрытия обмана в эксперименте. Она еще и дает экспериментатору возможность рассказать испытуемым дополнительную информацию по затронутой теме; таким образом, это станет для них своего рода обучением. Более того экспериментатор может узнать насколько эффективна его процедура из уст самого испытуемого!

Дебрифинг проходит следующим образом. Сначала экспериментатор пытается выяснить, что вызывает у испытуемого смущение. Он просит его высказать общее впечатление о проведенном эксперименте, а также дает возможность задать любые вопросы. Затем экспериментатор пытается определить, почему испытуемый отреагировал именно таким образом, и соответствует ли его интерпретация процедур тому, что задумывалось. Если в эксперименте применялся обман, нужно выяснить подозревал ли испытуемый о настоящей цели эксперимента? Если окажется так, что он подозревал о ней экспериментатору предстоит решить, повлияло ли это на его поведение. Если это произошло, то данные испытуемого должны быть исключены из дальнейшего анализа.

Экспериментатора интересует спонтанное поведение испытуемых. Но если их поведение было вызвано подозрениями об эксперименте, оно уже не спонтанно. Такие данные, скорее всего, недостоверны. Если многие испытуемые подозревают обман, то на эксперименте можно поставить крест.

На протяжении первой части дебрифинга экспериментатор пытается понять поверили ли испытуемые предложенной ситуации. Затем экспериментатор сообщает испытуемому об обмане. Делать это следует постепенно, мягко и спокойно, чтобы осознание правды не было слишком внезапным.

Испытуемых, которые высказали подозрения насчет обмана, просят объяснить каким образом это могло повлиять на их поведение. От их объяснения зависит многое. Если испытуемый действительно имеет четкие подозрения (неважно верные или неверные) и если они могли повлиять на его поведение, то нужно исключить его данные из дальнейшего рассмотрения. Понятно, что это решение принимается вне зависимости от того, поддерживают ли эти данные гипотезу испытуемого или нет!

Испытуемым с неопределенными подозрениями, Аронсон рекомендует сообщить, что их предположения верны – в проведенном эксперименте действительно было нечто, оставшееся за кадром. После этого можно подробно рассказать о цели исследования и объяснить причины обмана. Необходимо поставить себя на место испытуемого и разделить с ним чувство неловкости от обмана. Также испытуемым объясняют, почему важны результаты эксперимента.

В качестве примера наихудшего экспериментатора в мире Аронсон привел героиню комикса Peanuts (Пинатс) Люси. Она сообщила главную новость Чарли Брауну, сказав: «Тебя надули! Мы все тебе ввали, а ты и поверил! Ха-ха-ха!». Конечно, подобный подход должен быть исключен.

Очень важно, чтобы экспериментатор относился к испытуемым, как к коллегам, а не как к слепым объектам своих манипуляций.

Свою книгу Аронсон заканчивает еще одним важным вопросом. Он поднимает проблему моральной ответственности ученого за то, что он открыл.

Автор говорит, что как только знания или методы открыты или разработаны ученым, другие люди могут использовать их для достижения чуждых науке целей. Этот вопрос должен волновать ученого.

Конечно, социально-психологические феномены существуют сами по себе, и исследователь лишь пытается их понять. Эти явления происходят в нашем мире ежедневно с того момента, как два первых на Земле человека начали взаимодействовать между собой. Поняв эти явления, социальные психологи могут помочь людям воздерживаться от тех или иных действий, в случае, если они сами признают их нецелесообразными.

Феномены, которые мы изучаем, не являются нашими творениями. Но это не освобождает нас от моральной ответственности. Потому что исследования часто делают эти явления понятными, выявляют их структуру и находят методы воздействия, легко применимые на практике. Всегда существует возможность того, что люди усовершенствуют эти методы и используют их в корыстных целях. В руках демагога подобные методы вполне могут превратить наше общество в оруэлловский кошмар (т. е. глобальный тотальный контроль, описанные в романе 1984).

По мнению Аронсона, прежде всего это вопрос личной ответственности каждого деятеля науки. Занимаясь важным и интересным исследованием, нельзя злоупотреблять его открытиями. Аронсон пишет: «Я не намерен читать социальным психологам проповеди на тему ответственности. Лучше я расскажу о своих собственных моральных обязанностях. Мой долг – это распространять знания о том, как можно использовать различные техники воздействия, обнаруженные исследователями, и как не допускать злоупотреблений при их применении. Я чувствую эту ответственность, когда занимаюсь исследованиями, призванными расширить знания о нас – общественных животных, и о том, как мы думаем, и как себя ведем».